

> МАГИСТРАЛЪ >

КНУТ ГАМСУН

ПЛОДЫ ЗЕМЛИ

Москва
2024

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44
Г18

Knut Hamsun
MARKENS GRØDE

Перевод с норвежского *Виктора Муйжеля*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Гамсун, Кнут.

Г18 **Плоды земли / Кнут Гамсун ; [перевод с норвежского В. Муйжеля]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Магистраль. Главный тренд).**

ISBN 978-5-04-203595-1

Крестьяне-новоселы уходят в лесную глушь и пытаются построить свое маленькое счастье вдали от цивилизации. Размеренный философский роман, принесший Кнуту Гамсуну Нобелевскую премию.

Исаак приходит в лес, приводит с собой козу и начинает жизнь с нуля. Он обустроивает свой дом, заводит хозяйство и усердно трудится. Сперва сам, а потом с женой и детьми.

«Плоды земли» — это ода земле, труду и людям, работающим на ней. Гамсун не идеализирует своих персонажей, он созерцает их силу и слабость, достоинства и недостатки, с любовью внимает их чаяниям и надеждам, маленьким победам и даже большим поражениям.

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-203595-1

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Длинная, длинная тропинка стелется по болотам и уходит в леса, — кто проложил ее? Мужчина, первый попавший сюда человек. До него здесь не было тропинки. Потом, одно за другим, прошли по неясным следам на мочезинах и болотах животные, и следы стали отчетливее, а там, один за другим, пронюхали о тропинке лопари и стали ходить по ней, когда им нужно было перебраться со скалы на скалу, чтоб проведать своих оленей. Так и образовалась тропинка чрез обширную пустошь, никому не принадлежавшую, бесхозяйную землю.

Человек идет по направлению к северу. Он несет мешок, первый мешок, в нем съестные припасы да кое-какие инструменты. Человек крепок и груб, у него рыжая жесткая, словно железная, борода и мелкие рубцы на лице и руках, — где он заполучил эти шрамы: на работе или в бою? Может быть, он бежал от наказания и скрывается, может быть, он философ, ищет покоя и тишины, — но как бы то ни было, он идет и идет, кругом не слышно ни птиц, ни зверей, изредка бормочет он про себя какое-нибудь слово.

— О-ох, господи! — говорит он. Миновав болота и выйдя на приветливое местечко, с открытой полянкой в лесу, он опускает на землю мешок и начинает бродить кругом, исследуя местность; немного погодя возвращается, вскидывает мешок на спину и идет дальше. Так продолжается весь день, он следит за временем по

солнцу, спускается ночь, и он бросается в вереск, положив под голову руку.

Через несколько часов он опять идет.

— О-ох, господи! — идет прямо на север, следит за временем по солнцу, обедает куском сухой лепешки с козьим сыром, выпивает воды из ручья и продолжает свой путь. И этот день тоже уходит на странствие, потому что ему приходится исследовать очень много уютных местечек в лесу. Чего он ищет? Места земли? Должно быть, он выселенец из городов, глаза у него начеку, и он все время смотрит, иногда взбирается на пригорок и высматривает. Вот и опять садится солнце.

Он идет по западной стороне длинной балки, поросшей смешанным лесом, здесь и лиственный лес и луговинки — так тянется часами, темнеет; но он слышит тихое журчание речки, и это слабое журчание подбадривает его, как присутствие чего-то живого. Поднявшись на возвышенность, он видит внизу долину в полутьме, а дальше к югу — небо. Он ложится.

Утром перед ним расстилается ландшафт: лес и луговина — он спускается в долину по зеленому откосу, далеко внизу видит излучину реки и зайца, который как раз перескакивает через нее одним махом. Человек кивает головой, как будто так и нужно, чтобы речка была не шире заячьего прыжка. Сидевшая на яйцах куропатка внезапно срывается из-под его ног и злобно квохчет, человек снова кивает, оттого, что здесь есть зверьки и птицы — это тоже хорошо! Он бродит по кустам голубики и облепихи, по зубчатолистным кустикам звездочвета и мелким папоротникам; останавливается то тут, то там, ковыряет железкой землю и находит в одном месте чернозем, в другом — болото, удобренное многовековым листопадом и перегноем ветвей. Человек кивает головой: здесь он поселится, да, так и сделает, поселится здесь! Два дня бродит он по окрестностям, но вечерами

возвращается к тому же откоосу. Ночи спит на подстилке из хвои; он уже так освоился здесь, что даже устроил себе постель из хвои под выступом горы.

Самое трудное было найти место; это ничье место, но его: с этого же момента дни стали заполняться работой. Он сейчас же принялся срезать бересту в соседних лесах, пока в деревьях еще бродил сок, клал бересту под гнет и сушил ее, а когда накапливалась большая куча, носил в село за много миль и продавал на постройке. Домой же к откоосу приносил новые мешки с припасами и материалами — муку, свинину, котел, лопату; ходил по тропинке туда и обратно, и все носил и носил. Прирожденный носильщик, он сновал по лесу, как паром между берегами, казалось, он любил выпавший на его долю жребий: много ходить и много носить, как будто не иметь на спине ноши было ленивым существованием и совсем ему не по душе.

Однажды он пришел с тяжелой ношей и, кроме того, приташил на веревке двух коз и молодого козла. Он радовался на своих коз, словно то были коровы, и ласкал их. Проходил мимо первый чужой человек, бродячий лопарь, увидел коз и понял, что попал к человеку, осевшему здесь; он сказал:

— Ты совсем будешь жить здесь?

— Да, — ответил человек.

— Как тебя зовут?

— Исаак. Нет ли у тебя знакомой работницы для меня?

— Нет. Но я поговорю там, куда иду.

— Поговори! Скажи, что у меня есть скотина, а ходить за ней некому.

Стало быть — Исаак; лопарь скажет и это, человек в пустоши не беглый, он сказал свое имя. Он — беглый? Так вот он и отыскался. Он был просто неутомимый работник, запасал на зиму корм для своих коз, начал

расчищать землю, разделять поля, оттаскивал камни, складывал из камней ограду. К осени он смастерил жильё, землянку из дерна, она была плотная и теплая, в бурю в ней не трещало, она не могла сгореть. Он мог войти в это жилище, затворить дверь и сидеть у себя, дома, мог стоять на пороге полновластным хозяином, когда кто-нибудь проходил мимо. Землянка была разделена на две половины, в одном конце жил он сам, в другом скотина, в глубине, под выступом скалы, он устроил сеновал. Все было под рукой.

Проходит еще двое лопарей, отец с сыном, они останавливаются, опираются обеими руками на свои длинные посохи и смотрят на землянку, на расчищенное место, слышат козы колокольчики на косогоре.

— Здравствуй, — говорят они, — видать, в пустошь пожаловали знатные люди! — Лопари ведь всегда льстят.

— Не знаете ли вы работницы для меня? — отвечает Исаак. У него только одно это на уме.

— Работницы? Нет. Но мы поговорим.

— Будьте так добры! Скажите, что у меня есть дом, земля и скотина, но нет работницы, так и скажите.

О, он искал эту работницу всякий раз, когда относил в село бересту, но так и не нашел. Одна вдова да две пожилые девицы посмотрели на него и не решились пойти с ним; отчего это так вышло, Исаак не понимал. Неужели не понимал? Кто захочет служить у одинокого мужчины в дикой пустыне, за много верст от людей, в целом дне пути от ближайшего жилья! Да и сам мужчина-то вовсе не отличался нежностью или приятностью, совсем даже наоборот, и когда он говорил, то далеко не как тенор с возведенными к небесам глазами, а был звероват и груб голосом. Приходилось, значит, оставаться одному.

Зимой он делал большие деревянные корыта, продавал их в селе и приносил домой, в снег и вьюгу, мешки с едой и всяким снаряжением; то были трудные дни, он

примерзал к ноше. Так как у него была скотина, и ходил за нею он сам, он не мог оставлять ее надолго, и что же тогда придумал? Нужда учит человека сообразительности, мозг его был силен и свеж, он упражнял его все больше и больше. Во-первых, перед уходом из дому он выпускал коз на волю, чтоб они питались ветками в лесу. Но он придумал и другое: он вешал у реки большую деревянную посудину так, что вода капала в нее по капле, она наполнялась в четырнадцать часов. Наполнившись до краев, посудина приобретала нужную тяжесть и опускалась, но, опускаясь, задевала за веревку, соединенную с сеновалом, там открывался люк, и падали три вязки сена: животные получали корм.

Вот так он действовал.

Остроумная выдумка, пожалуй, божье внушенье, и человек выпутался из беды.

Все шло хорошо до поздней осени, но вот выпал снег, потом пошел дождь, опять снег, упорный снег, механизм стал действовать плохо, посудина наполнялась осадками и преждевременно открывала люк. Человек прикрыл посудину, некоторое время опять все было ладно, но когда наступила зима, водная капля замерзла, и приспособление перестало работать.

Тогда козам, как и самому человеку, пришлось при-
выкать обходиться без еды.

Тяжелые дни, человеку надо было иметь помощника, но его не было, и он все-таки не растерялся.

Он продолжал работать и устраивать свой дом, про-
рѣзал в землянке окно, вставил два стекла, это был заме-
чательный и радостный день в его жизни: ему не надо
было зажигать очаг, чтоб видеть, он мог сидеть в доме
и мастерить деревянные корыта при дневном свете.
Все улучшалось и светлело, ох, господи! Он никогда не
молился по молитвеннику, но мысли его часто обра-
щались к богу, без этого нельзя было обойтись, он был

сама искренность и трепет. Звездное небо, шелест в лесу, одиночество, глубокий снег, тайные силы на земле и над землей возбуждали в нем глубокие и набожные мысли много раз в сутки; он был греховен и богобоязнен, по воскресеньям умывался в честь праздника, но трудился, как в другие дни.

Пришла весна, он обработал свой маленький участок и посадил картошку.

Скота прибавилось, обе козы принесли по паре козлят, с взрослыми и молодняком стало в пустоши семь коз. Он расширил хлев с запасом на будущее и вставил в нем также два окна. Светлело, и удавалось во всех смыслах.

И наконец однажды явилась помощница. Она долго бродила взад-вперед по косогору, не отваживаясь подойти; уж за вечерело, когда она насмелилась, но под конец все-таки пришла — крупная кареглазая девушка, очень плотная и грубая, со здоровенными увесистыми руками, в лопарских комагах, хотя сама была и не лопарка, и с мешком из телячьей кожи за спиной. На вид она казалась уж в годах, этак, не в обиду будь сказано, под тридцать. Бояться ей было нечего, но она поклонилась и торопливо промолвила:

— Мне надо за перевал, оттого я и пошла этой дорогой.

— А-а, — сказал мужчина. Он понял не все, она говорила неясно и вдобавок отворачивала лицо.

— Да, — сказала она. — А путь страсть какой дальний!

— Да, — ответил он. — Ты через перевал?

— Да.

— Зачем тебе туда?

— У меня там родня.

— Вот как, — у тебя там родня. Как тебя зовут?

— Ингер. А тебя?

— Исаак.

— Ну-у! Исаак. Это ты здесь живешь?

— Да, живу вот здесь, как сама видишь.

— Пожалуй, тут неплохо, — промолвила она одоб- рительно.

Он был малый не промах и тут же сообразил, что при- шла она по чьему-нибудь сказу, да, пожалуй, и просто вышла из дому третьего дня и прямехонько сюда.

Может, она слышала, что ему нужна работница.

— Зайди, дай передохнуть ногам, — сказал он.

Они вошли в землянку, поели ее припасов и попили его козьего молока; потом она сварила кофею, который принесла с собой в пузырьке. Они угостились кофеем перед сном. Он лег, а ночью в нем вспыхнуло желание, и он взял ее.

Утром она не ушла, не ушла и во весь день, а суетилась, доила коз, вычистила мелким песком кастрюли и навела чистоту. Она так и не ушла. Ее звали Ингер. Его звали Иссак.

И вот для одинокого мужчины наступила новая жизнь.

Правда, жена его говорила неясно и упорно отворачи- вавалась от людей, стесняясь своей заячьей губы, но на это нечего жаловаться. Не будь этого обезображенного рта, она, наверно, никогда не пришла бы к нему, заячья губа была его счастьем. А сам-то он разве уж совсем без всякого порока?

Бородатый и необыкновенно коренастый, Исаак был похож на страшный мельничный жернов, а мимо окна он носился словно смерч. И у кого еще была такая стро- гость в лице! Хорошо уж и то, что Ингер не убежала от него.

Она не убежала. Когда он уходил и возвращался до- мой, Ингер встречала его у землянки, обе составляли одно — землянка и она.

Ему прибавилось заботы о лишнем человеке, но забота оправдывалась, он мог больше бывать вне дома, больше двигаться. Во-первых, была река, отличная река, и мало того, что красивая на вид, глубокая и быстрая, вовсе не какая-нибудь маленькая речонка, должно быть, текла она из большого озера в горах.

Он добыл рыболовные снасти, обследовал реку вверх по течению, а вечером вернулся с ведром окуней и горных форелей. Ингер встретила его с изумлением, была поражена, не знала, что и подумать, она всплеснула руками и сказала:

— Господи боже милостивый! Ну, уж и ты! — Она отлично заметила, что ему нравились похвалы и он гордится ими, она прибавила еще несколько лестных слов: никогда ничего подобного она не видала и не понимает, как это он умудрился!

И в других отношениях Ингер была тоже хоть куда. Правда, разума в голове у нее не бог весть сколько, но у кого-то из родных остались две ее овцы с ягнятами, и она привела их. Сейчас это было самое что ни на есть нужное в землянке — овцы с шерстью и ягнятами, целых четыре штуки; скот умножался в огромном масштабе, чистая задача и чудо, до чего он рос в числе! Помимо этого, Ингер принесла кое-что из платья и всякой мелочи: зеркало, нитку с красивыми стеклянными бусами, чесалки для шерсти и прялку. Ну, если она будет действовать так и дальше, скоро все будет набито от пола до потолка, и в землянке не хватит места! Исаак, разумеется, радовался этому наплыву земных благ, но, по своей обычной молчаливости, был скуп на выражения; он прошмыгал к порогу, посмотрел, какова погода, и прошмыгал обратно на свое место. Да, можно сказать, ему здорово повезло, и он чувствовал все большую и большую влюбленность, влечение, или как это там ни назвать.

— Довольно уж тебе хлопотать! — сказал он.

— У меня в одном месте еще больше этого. А потом есть еще дядя Сиверт, слышал ты про него?

— Нет.

— А он богат. Он окружной казначей в нашем селе.

От любви умный глупеет, — ему захотелось по-своему показаться приятным, и он пересолил.

— Вот что я тебе скажу, — промолвил он, — не ходи окупивать картошку. Я сам займусь вечером, когда приду домой.

С этими словами он взял топор и ушел в лес.

Она слышала удары топора в лесу недалеко от дома и по треску догадывалась, что он валит крупные деревья. Послушав некоторое время, она пошла на поле и принялась окупивать картошку. От любви глупый умнеет.

Вечером он вернулся, волоча за собой на веревке огромное бревно. Грубый и простодушный Исаак изо всех сил гремел бревном, топотал и кашлял, чтобы она вышла и подивилась на него.

— Да ты совсем спятил! — и в самом деле воскликнула она, идя ему навстречу. — Человек ты или нет?! — Он не ответил. И не подумал даже!

Невелика штука справиться с бревном, об этом не стоило и говорить.

— А на что тебе эта лесина? — спросила она.

— Да и сам не знаю, — небрежно ответил он.

Но тут он увидел, что она уж успела окупить картошку и, стало быть, в усердии почти сравнялась с ним. Это ему не понравилось, он отвязал веревку с бревна и пошел с ней куда-то.

— Ты опять уходишь? — спросила она.

— Да, — сердито ответил он.

Он вернулся со вторым бревном, но на этот раз не пыхтел и не шумел, а подтащил его, как вол, к землянке и положил на землю.

За лето он перетаскал к землянке множество бревен.

ГЛАВА II

Однажды Ингер опять наложила припасов в свою телячью сумку и сказала:

— Пойду проведать своих.

— А-а, — промолвил Исаак.

— Да, надо потолковать с ними кое о чем.

Исаак не сразу пошел за нею, а порядочно помедлил.

Когда он наконец проковылял за дверь, отнюдь не выдавая своим видом любопытства и тяжелых предчувствий, Ингер уже едва виднелась на опушке леса.

— А ты вернешься? — крикнул он, не в силах совладать с собою.

— Неужто не вернусь! — отозвалась она. — Придумаешь тоже!

— А-а.

И вот он опять остался один, о-ох, господи! Полный сил и жадный на работу, он не мог расхаживать по землянке и зря топтаться на месте, а принялся за дело, стал ворочать бревна, обтесывать лесины с обеих сторон. Проработал до вечера, потом подоил коз и лег спать.

Пусто и тихо в землянке, тяжким молчанием веяло от дерновых стен и земляного пола, глубоко и серьезно ощущал он свое одиночество. Но прятка и чесальные доски стояли на своем месте, и бусы на нитке лежали аккуратно припрятанные на полке под потолком. Ингер ничего не унесла с собою. Но Исаак был так бесконечно глуп, что в белую летнюю ночь на него напал страх темноты, и ему чудилось, что бог знает кто крадется под окнами. Часа в два, судя по свету, он встал и позавтракал, уплел огромный горшок каши на весь день, чтобы не тратить время на новую стряпню. И до вечера поднимал целину, в прибавок к картофельному полю.

Три дня он вперемежку тесал бревна и взрывал землю — авось Ингер придет завтра. Не беда, если он при-

пасет рыбы к ее возвращению, он не хотел пойти к ней навстречу напрямиком через скалы и пошел кружным путем к рыбалке. Он забрался в незнакомые места в скалах, тут высились серые горы и темно-бурые горы и валялись мелкие камни, тяжелые, словно из свинца или меди. В этих темных камнях могло быть много добра, может, и золото, и серебро, он не знал в них толку, и ему было все равно. Он спустился к реке, рыба хорошо клевала ночью под звенящим комарами небом, опять набралось целое ведро окуней и горных форелей, пусть-ка Ингер посмотрит! Возвращаясь утром тем же кружным путем, каким и пришел, он взял с собой два тяжелых камня со скалы, они были коричневые с темно-синими крапинками и ужасно тяжелые.

Ингер не пришла. Тянулись уж четвертые сутки. Он подоил коз, как в те времена, когда жил с ними один и некому было этим заняться, потом пошел к каменной россыпи и натаскал во двор большие кучи подходящих камней для ограды. У него было много грандиозных затей.

На пятый вечер он лег спать с маленьким подозрением в сердце, но, впрочем, прялка и чесальные доски оставались же тут, да и бусы тоже! Опять пустота в землянке и ни единого звука, часы тянулись долго, и, когда, наконец, снаружи послышался какой-то топот, он сообразил, что это ему только почудилось.

— О-ох, господи! — промолвил он, проникнутый своей заброшенностью, а такие слова Исаак произносил не зря. Но вот он снова услышал тот же топот, а немного спустя что-то промелькнуло под окнами, что-то такое с рогами, живое. Он вскочил, метнулся к двери и увидел призрак.

— Бог или сатана! — пробормотал он, а такие слова Исаак произносил только в крайности. Он увидел корову, Ингер и корову, обе они скрылись в хлеву.